

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Павел Петрович Бажов

Про Великого Полоза

Впервые опубликован в 1936 г. в журнале "Красная новь" и в сборнике "Дореволюционный фольклор на Урале". Открывает цикл сказов, таких как "Змеинный след", "Огневушка-поскакушка", "Жабреев ходок", "Голубая змейка", в которых действуют новые фантастические персонажи: хозяин золота Полоз, его дочери Змеевки, Огневушка. С помощью этих сказочных образов уральские горняки поясняли загадочные явления природы.

Жил в заводе мужик один. Левонтьем его звали. Старательный такой мужичок, безответный. Смолоду его в горе держали, на Гумешках то есть. Медь добывал. Так под землей все молодые годы и провел. Как червяк в земле копался. Свету не видел, позеленел весь. Ну, дело известное, – гора. Сырость, потемки, дух тяжелый. Ослаб человек. Приказчик видит – мало от его толку, и подобрался перевести Левонтия на другую работу – на Поскакуху отправил, на казенный прииск золотой. Стал, значит, Левонтий на прииске робить. Только это мало делу помогло. Шибко уж он нездоровый стал. Приказчик поглядел-поглядел да и говорит:

– Вот что, Левонтий, старательный ты мужик, говорил я о тебе барину, а он и придумал наградить тебя. Пускай, говорит, на себя старается. Отпустить его на вольные работы, без оброку.

Это в ту пору так дельвали. Изробится человек, никуда его не надо, ну, и отпустят на вольную работу.

Вот и остался Левонтий на вольных работах. Ну, пить-есть надо, да и семья того требует, чтобы где-нибудь кусок добыть. А чем добудешь, коли у тебя ни хозяйства, ничего такого нет. Подумал-подумал, пошел стараться, золото добывать. Привычное дело с землей-то, струмент тоже не ахти какой надо. Расстарался, добыл и говорит ребятишкам:

– Ну, ребятушки, пойдем, видно, со мной золото добывать. Может, на ваше ребячье счастье и расстараемся, проживем без милотины.

А ребятишки у него вовсе еще маленькие были. Чуть побольше десятка годов им.

Вот и пошли наши вольные старатели. Отец еле ноги передвигает, а ребятишки – мал мала меньше – за ним поспешают.

Тогда, слышь-ко, по Рябиновке верховое золото сильно попадать стало. Вот туда и Левонтий заявку сделал. В конторе тогда на этот счет просто было. Только скажи да золото сдавай. Ну конечно, и мошенство было. Как без этого. Замечали конторски, куда народ бросается, и за сдачей следили. Увидят – ладно пошло, сейчас то место под свою лапу. Сами, говорят, тут добывать будем, а вы ступайте куда в другое место. Заместо разведки старатели-то у них были. Те, конечно, опять свою выгоду соблюдали. Старались золото не оказывать. В контору сдавали только, чтобы сдачу отметить, а сами все больше тайным купцам стуряли (скупщикам золота сдавали. – Ред.). Много их было, этих купцов-то. До того, слышь-ко, исхитрились, что никакая стража их уличить не могла. Так, значит, и катался обман-от шариком. Контора старателей обвести хотела, а те опять ее. Вот какие порядки были. Про золото стороной дознаться только можно было.

Левонтию, однако, не потаили – сказали честь честью. Видят, какой уж он добытчик. Пускай хоть перед смертью потешится.

Пришел это Левонтий на Рябиновку, облюбовал место и начал работать. Только силы у него мало. Живо намахался, еле жив сидит, отдышаться не может. Ну, а ребятишки, какие они работники? Все ж таки стараются. Поробили так-то с неделю либо больше, видит Левонтий – пустяк дело, на хлеб не сходится. Как быть? А самому все хуже да хуже. Исчах совсем, но неохота по миру идти и на ребятишек сумки надевать. Пошел в субботу сдать в контору золотишко, какое намыл, а ребятам сказал:

– Вы тут побудьте, струмент покараульте, а то таскаться-то взад-вперед ни к чему нам.

Остались, значит, ребята караульщиками у шалашика. Сбегал один на Чусову-реку. Близко она тут. Порыбачил маленько. Надергал пескособишков (пескарей. – Ред.), окунишков, и давай они ушку себе гоношить (готовить. – Ред.). Костер запалили, а дело к вечеру. Боязно ребятам стало.

Только видят – идет старик, заводской же. Семенычем его звали, а как по фамилии – не упомяну. Старик этот из солдат был. Раньше-то, рассказывают, самолучшим кричным (не только профессия, но и атлетическое телосложение. – Ред.) мастером значился, да согрубил что-то приказчику, тот его и велел в пожарную отправить – пороть, значит. А этот Семеныч не стал даваться, рожи которым покорябал, как он сильно проворный был. Известно, кричный мастер. Ну, все ж таки обломали. Пожарники-то тогда здоровущие подбирались. Выпороти, значит, Семеныча и за буйство в солдаты сдали. Через двадцать пять годов он и пришел в завод-от вовсе стариком, а домашние у него за это время все примерли, избушка заколочена стояла. Хотели уж ее разбирать. Шибко некорыстна была. Тут он и объявился. Подправил свою избушку и живет потихоньку, один-одинешенек. Только стали соседи замечать – неспроста дело. Книжки какие-то у него. И каждый вечер он над ими сидит. Думали, – может, умеет людей лечить. Стали с этим подбегать. Отказал. "Не знаю, – говорит, – этого дела. И какое тут может лечение быть, коли такая ваша работа". Думали, – может, веры какой особой. Также не видно. В церкву ходит о пасхе да о рождестве, как обыкновенно мужики, а приверженности не оказывает. И тому опять дивятся – работы нет, а чем-то живет. Огородишко, конечно, у него был. Ружьишко немудрящее имел, рыболовную снасть тоже. Только разве этим проживешь? А деньжонки, промежду прочим, у него были. Бывало, кое-кому и давал. И чудно этак. Иной просит-просит, заклад дает, набавку, какую хошь, обещает, а не даст. К другому сам придет:

– Возьми-ка, Иван или там Михайло, на корову. Ребятишки у тебя маленькие, а подняться, видать, не можешь. – Одним словом, чудной старик. Чертознаем его считали. Это больше за книжки-то.

Вот подошел этот Семеныч, поздоровался. Ребята радехоньки, зовут его к себе:

– Садись, дедушко, похлебай ушки с нами.

Он не посупорствовал, сел. Попробовал ушки и давай похваливать – до чего навариста да вкусна. Сам из сумы хлебушка мяконького достал, ломочками порушал и перед ребятами грудкой положил. Те видят – старику ушка поглянулась, давай уплетать хлебушко-от, а Семеныч одно свое – ушку нахваливает, давно, дескать, так-то не едал. Ребята под этот разговор и наелись как следует. Чуть не весь стариков хлеб съели. А тот, знай, похмыкивает:

– Давно так-то не едал.

Ну, наелись ребята, старик и стал их спрашивать про их дела. Ребята обсказали ему все по порядку, как отцу от заводской работы отказали и на волю перевели, как они тут работали. Семеныч только головой покачивает да повздыхивает: охо-хо да охо-хо. Под конец спросил:

– Сколь намыли?

Ребята говорят:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Золотник, а может, поболе, – так тятенька сказывал.

Старик встал и говорит:

– Ну ладно, ребята, надо вам помогчи. Только вы уж помалкивайте. Чтоб ни–ни. Ни одной душе живой, а то... – И Семеныч так на ребят поглядел, что им страшно стало. Ровно вовсе не Семеныч это. Потом опять усмехнулся и говорит:

– Вот что, ребята, вы тут сидите у костерка и меня дожидаетесь, а я схожу – покучусь (попрошу. – Ред.) кому надо. Может, он вам поможет. Только, чур, не бояться, а то все дело пропадет. Помните это хорошенько.

И ушел старик в лес, а ребята остались. Друг на друга поглядывают и ничего не говорят. Потом старший насмелился и говорит тихонько:

– Смотри, братко, не забудь, чтобы не бояться, – а у самого губы побелели и зубы чакают. Младший на это отвечает:

– Я, братко, не боюсь, – а сам помучнел весь. Вот сидят так–то, дожидаются, а ночь уж совсем, и тихо в лесу стало. Слышно, как вода в Рябиновке шумит. Прошло довольно дивно времечка, а никого нет, у ребят испуг отбежал. Навалили они в костер хвои, еще веселее стало. Вдруг слышат – в лесу разговаривают. Ну, думают, какие–то идут. Откуда в экое время? Опять страшно стало.

И вот подходят к огню двое. Один–то Семеныч, а другой с ним незнакомый какой–то и одет не по–нашенски. Кафтан это на ем, штаны – все желтое, из золотой, слышь–ко, поповской парчи, а поверх кафтана широкий пояс с узорами и кистями, также из парчи, только с зеленью. Шапка желтая, а справа и слева красные зазорины, и сапожки тоже красные. Лицо желтое, в окладистой бороде, а борода вся в тугие кольца завилась. Так и видно, не разогнешь их. Только глаза зеленые и светят, как у кошки. А смотрят по–хорошему, ласково. Мужик такого же росту, как Семеныч, и не толстый, а видать, грузный. На котором месте стал, под ногами у него земля вдавилась. Ребятам все это занятно, они и бояться забыли, смотрят на того человека, а он и говорит Семенычу шуткой так:

– Это вольны–то старатели? Что найдут, все заберут? Никому не оставят?

Потом прихмурился и говорит Семенычу, как советует с им:

–А не испортим мы с тобой этих ребятишек?

Семеныч стал сказывать, что ребята не балованные, хорошие, а тот опять свое:

– Все люди на одну колодку. Пока в нужде да в бедности, ровно бы и ничего, а как за мое охвостье поймаются, так откуда только на их всякой погани налипнет.

Постоял, помолчал и говорит:

– Ну ладно, попытаем. Малолетки, может, лучше окажутся. А так ребятки ладненьки, жалко будет, ежели испортим. Меньшенький–то вон тонкогубик. Как бы жадный не оказался. Ты уж понастуй (понаблюдай. – Ред.) сам, Семеныч. Отец–то у них не жилец. Знаю я его. На ладан дышит, а тоже старается сам кусок заработать. Самостоятельный мужик. А вот дай ему богатство – тоже испортится.

Разговаривает так–то с Семенычем, будто ребят тут и нет. Потом посмотрел на них и говорит:

– Теперь, ребятушки, смотрите хорошенько. Замечайте, куда след пойдет. По тому следу сверху и копайте. Глубоко не лезьте, ни к чему это.

И вот видят ребята – человека того уж нет. Которое место до пояса – все это голова стала, а от пояса шея. Голова точь–в–точь такая, как была, только большая, глаза ровно по гусиному яйцу стали, а шея змеиная. И вот из–под земли стало выкатываться тулово преогромного змея. Голова поднялась выше леса. Потом тулово выгнулось прямо на костер, вытянулось по земле, и поползло это чудо к Рябиновке, а из земли всё кольца выходят да выходят. Ровно им и конца нет. И то диво, костер–то потух, а на полянке светло стало. Только свет не такой, как от солнышка, а какой–то другой, и холодом потянуло. Дошел змей до Рябиновки и полез в воду, а вода сразу и замерзла по ту и по другую сторону. Змей перешел на другой берег, дотянулся до старой березы, которая тут стояла, и кричит:

– Заметили? Тут вот и копайте! Хватит вам по сиротскому делу. Чур, не жадничайте!

Сказал так–то и ровно растаял. Вода в Рябиновке опять зашумела, и костерок оттаял и загорелся, только трава будто все еще озябла, как иней ее прихватил. Семеныч и объясняет ребятам:

– Это есть Великий Полоз. Все золото в его власти. Где он пройдет – туда оно и подбежит. А ходить он может и по земле и под землей, как ему надо, и места может окружить, сколько хочет. Оттого вот и бывает – найдут, например, люди хорошую жилку, и случится у них какой обман, либо драка, а то и смертоубийство, и жилка потеряется. Это, значит, Полоз побывал тут и отвел золото. А то вот еще... Найдут старатели хорошее, россыпное золото, ну, и питаются. А контора вдруг объявит – уходите, мол, за казну это место берем, сами добывать будем. Навезут это машин, народу нагонят, а золота–то и нету. И вглубь бьют и во все стороны лезут – нету, будто вовсе не бывало. Это Полоз окружил все то место да пролежал так–то ночку, золото и стянулось все по его–то кольцу. Попробуй найди, где он лежал.

Не любит, вишь, он, чтобы около золота обман да мошенство были, а пуще того, чтобы один человек другого утеснял. Ну, а если для себя стараются, тем ничего, поможет еще когда, вот как вам. Только вы смотрите, молчок про эти дела, а то все испортите. И о том старайтесь, чтобы золото не рвать. Не на то он вам его указал, чтобы жадничали. Слышали, что говорил–то? Это не забывайте первым делом. Ну, а теперь спать ступайте, а я посижу тут у костерка.

Ребята послушались, ушли в шалашик, и сразу на их сон навалился. Проснулись поздно. Другие старатели уж давно работают. Посмотрели ребята один на другого и спрашивают:

– Ты, братко, видел вчера что–нибудь?

Другой ему:

– А ты видел?

Договорились все ж таки. Заклялись, забожились, чтобы никому про то дело не сказывать и не жадничать, и стали место выбирать, где дудку бить. Тут у них маленько спор вышел. Старший парнишечко говорит:

– Надо за Рябиновкой у березы начинать. На том самом месте, с коего Полоз последнее слово сказал. Младший уговаривает:

– Не годится так–то, братко. Тайность живо наружу выскочит, потому – другие старатели сразу набегут любопытствовать, какой, дескать, песок пошел за Рябиновкой. Тут все и откроется.

Поспорили так–то, пожалели, что Семеныча нет, посоветовать не с кем, да углядели – как раз по середке вчерашнего огневища воткнул березовый колышек. "Не иначе, это Семеныч нам знак оставил", – подумали ребята и стали на том месте копать.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И сразу, слышь-ко, две золотые жужелки (мелкие самородки золота. – Ред.) залетели, да и песок пошел не такой, как раньше. Совсем хорошо у них дело сперва направилось. Ну, потом свихнулось, конечно. Только это уж другой сказ будет.